

Государственная молодежная политика и формирование политической идентичности: между традицией и инновацией

Гончарова Ирина Валентиновна

Д-р ист. наук, вед. науч. исследователь НИИ государственной политики и управления отраслевой экономикой
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: 79208195393@yandex.ru

Ницевич Виктор Францевич

Д-р полит. наук, вед. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

Черепов Виктор Михайлович

Д-р мед. наук, зав. каф. управления в здравоохранении и индустрии спорта
ORCID: 0000-0001-5372-7375, e-mail: vm_cherepov@guu.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализирована государственная молодежная политика в контексте формирования политической идентичности, рассматриваемой на пересечении традиционных и инновационных механизмов. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных инструментов общественной консолидации и сопоставления наследия советских моделей социализации с современными цифровыми практиками. Цель настоящего исследования — выявить особенности формирования политической идентичности молодежи в современной Российской Федерации и определить место государства в этом процессе с учетом устойчивых институтов прошлого и новых вызовов цифровизации. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий политологический, социологический и психологический анализ. Дополняет его историко-сравнительный метод, позволяющий соотнести советский и современный опыт. В теоретическом разделе раскрыта многомерность понятия идентичности через социально-конструктивистский, психологический, коммуникативный и институциональный подходы. На материале советского периода (1920–1930-х гг.) показано, что политическая идентичность формировалась преимущественно через институционализацию, идеологизацию и патернализм, обеспечивая стабильность системы ценой ограничения субъектности молодежи. Современная цифровая среда, напротив, характеризуется полицентричностью, фрагментарностью и гибридностью идентичности. Алгоритмическая логика платформ, визуальные форматы коммуникации и влияние инфлюенсеров усиливают мозаичность восприятия, формируя более гибкую, индивидуализированную субъектную идентичность. Ключевыми факторами воздействия становятся алгоритмы цифровых платформ, блогерская агитация, визуальная культура и практики «мягкой силы 2.0», где политические смыслы интегрируются в развлекательный контент. Обосновано, что государственная молодежная политика сегодня развивается «между традицией и инновацией», и это требует формирования гибридной модели. Такая модель должна сочетать ценностные основания с современными цифровыми форматами вовлечения, развитием критического мышления и созданием партисипативных площадок для диалога с молодежью. Именно это позволит адаптировать молодежную политику к вызовам цифровой эпохи и содействовать формированию консолидирующей общественной идеологии.

Ключевые слова: Государственная молодежная политика, политическая идентичность, цифровая среда, социализация молодежи, ценности и традиции, «мягкая сила», воображаемые сообщества

Для цитирования: Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Черепов В.М. Государственная молодежная политика и формирование политической идентичности: между традицией и инновацией // Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 81–91. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-81-91

State youth policy and political identity formation: between tradition and innovation

Irina V. Goncharova

Dr. Sci. (Hist.), Head Researcher at the Research Institute of State Policy and Sectoral Economy Management
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: 79208195393@yandex.ru

Victor F. Nitsevich

Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

Viktor M. Cherepov

Dr. Sci. (Med.), Head of the Healthcare and Sports Industry Management Department
ORCID: 0000-0001-5372-7375, e-mail: vm_cherepov@guu.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The state youth policy has been analyzed in the context of forming political identity, considered at the intersection of traditional and innovative mechanisms. The relevance of the research topic is determined by the need to find effective tools for social consolidation and to compare the legacy of Soviet models of socialization with modern digital practices. The purpose of the study is to identify the features of forming youth political identity in modern Russia and to determine the state's role in this process, considering the stable institutions of the past and the new challenges of digitalization. The methodological basis of the study is an interdisciplinary approach combining political, sociological, and psychological analysis. It is complemented by the historical and comparative method, which makes it possible to correlate the Soviet and modern experience. The theoretical section reveals the multidimensional nature of the identity concept through socio-constructivist, psychological, communicative, and institutional approaches. Based on the Soviet period material (1920–1930s), it has been shown that political identity was formed mainly through institutionalization, ideologization, and paternalism, ensuring the system stability at the cost of limiting the subjectivity of youth. The modern digital environment, on the contrary, is characterized by polycentricity, fragmentation, and hybrid identity. The algorithmic logic of platforms, visual communication formats, and the impact of influencers enhance the mosaic of perception, forming a more flexible and individualized subjective identity. The key impact factors are digital platform algorithms, blogging, visual culture, and soft power 2.0 practices, where political meanings are integrated into entertainment content. It has been proved that the state youth policy is developing today between tradition and innovation, and this requires forming a hybrid model. Such a model should combine value bases with modern digital engagement formats, critical thinking development and participatory platforms creation for dialogue with young people. This is what will make it possible to adapt youth policy to the challenges of the digital age and contribute to a consolidating social ideology formation.

Keywords: State youth policy, political identity, digital environment, youth socialization, values and traditions, soft power, imagined communities

For citation: Goncharova I.V., Nitsevich V.F., Cherepov V.M. (2025). State youth policy and political identity formation: between tradition and innovation. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 81–91. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-81-91

Введение / Introduction

Современная российская молодежная политика развивается в условиях поиска эффективных инструментов формирования консолидирующей общество идеологии. В официальных документах подчеркивается необходимость выявления ключевых ценностных трендов, анализа традиций и практик, влияющих на формирование политической идентичности нового поколения. В связи с этим внимание исследователей сосредоточено на том, каким образом молодежь усваивает и трансформирует политические ценности и какие факторы обеспечивают солидарность с ними в условиях цифровизации.

Формирование политической идентичности является одной из целей символической политики как особого рода политической коммуникации, поскольку именно трансляция ключевых ценностей, лежащих в основе определенного сообщества, формирует чувство сопричастности и способствует консолидации власти и общества. В философской мысли этот процесс связывается с кризисом постмодерна. Так, А.Г. Дугин пишет: «Человек модерна был нерасчленимой цельностью, как до него этой цельностью был Бог монотеистических религий и сакральные силы домонотеистических традиций. В постмодерне эта цельность и центральность человека отменяются. Значит, старого знакомого человека больше нет. На смену ему приходят пучки импульсов, случайные агломерации биостратегий, хитросплетения механизма желаний. Пост-человек постмодерна принципиально дивидуален, то есть этимологически “делим”. Он может произвольно перекомпоновывать свою идентичность психологически и физиологически, меняя характер, убеждения, органы и пол. В нем не остается ничего константного, он сборная конструкция, в которой большинство элементов могут быть заменены»¹. Мысль философа указывает на переход от стабильных и институционализированных форм идентичности к фрагментарным и гибридным.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью сопоставления традиционных моделей формирования политической идентичности (советский опыт институционализации) и современных инновационных практик (цифровые коммуникации, влияние блогеров, алгоритмические платформы). Такой сравнительный анализ позволяет выявить особенности трансформации идентичности молодежи и определить стратегические направления государственной политики в этой сфере.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей формирования политической идентичности молодежи в Российской Федерации (далее — РФ, Россия) в условиях цифровизации

с учетом традиционных практик и современных инноваций, а также в определении роли государства в данном процессе.

Методологическую основу исследования составляют междисциплинарный подход, соединяющий политологический и социологический анализ, элементы институциональной и коммуникативной теории, психологические концепции идентичности, а также историко-сравнительный метод для сопоставления советской и современной моделей молодежной политики.

Теоретические подходы к понятию идентичности / Theoretical approaches to the identity concept

В современном научном дискурсе понятие идентичности применяется довольно широко представителями разных направлений социогуманитарного знания, в том числе политологами. Концептуальные подходы той или иной сферы научного знания накладывают особенности данного феномена, интерес к которому обуславливается трендами на глобализацию и цифровизацию. В междисциплинарном контексте чаще всего встречается трактовка идентичности как процесса осмысления человеком своей принадлежности и различий, включающий устойчивые характеристики, ценности и модели поведения. Так, в Большой российской энциклопедии она определяется как «тождественность, одинаковость, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь», как «осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик»². Идентичность в данном случае классифицируется не как статичная категория, а как динамический процесс самоопределения. Чтобы приблизиться к понятию политической идентичности, необходимо рассмотреть ключевые исследовательские подходы к понятию идентичности в научной литературе.

В нормативно-правовых актах при упоминании аспектов «идентичности» внимание акцентируют на роли институтов и норм. Как система духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущая нации, идентичность нашла отражение и в тексте Конституции РФ, где она упоминается в контексте защиты культурной самобытности народов и этнических общностей страны (ст. 69) [Бердникова, Куликова, 2023]³. В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» упоминается защита традиционных российских духовно-нравственных

² Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/s?q=идентичность&p=1> (дата обращения: 03.10.2025).

³ Конституция Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item> (дата обращения: 03.10.2025).

¹ Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. Режим доступа: <https://proza.ru/2012/08/23/601> (дата обращения: 03.10.2025).

ценностей, культуры и исторической памяти, непосредственно влияющих на идентичность, как один из стратегических национальных приоритетов⁴.

В рамках психологического подхода Э. Эриксон, заложивший основы концепции идентичности, трактовал ее как «чувство личного тождества и исторической непрерывности личности» и различал групповую идентичность, основанную на коллективных целях и культурных различиях, и индивидуальную эго-идентичность как динамический процесс объединения социального и личного опыта [Эриксон, 1996].

Концепт воображаемого сообщества Б. Андерсона показывает, что национальная и политическая идентичность конструируются не только через реальные социальные связи, но и посредством символических образов, поддерживаемых медиа и институтами. «Национальность, ...а вместе с ней и национализм являются особого рода культурными артефактами. Чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью», — пишет автор [Андерсон, 2001, с. 44]. В условиях цифровой среды это проявляется особенно ярко в формировании «онлайн-сообществ» как новых форм воображаемого единства. По А. Гидденсу, современная идентичность строится через постоянное переосмысление и «рефлексивный проект» личности [Giddens, 1990].

Отечественные исследователи трактуют идентичность как ценностно-нормативный конструкт и инструмент национальной консолидации. В.А. Тишков акцентирует внимание на ее институциональном измерении, а Н.И. Лапин — на роли ценностей и социальных ориентаций в обеспечении устойчивости политической системы [Тишков, 2019; Лапин, 2011]. В.П. Зинченко и Б.Г. Мещеряков подчеркивают, что идентичность выражает то, как человек представляет себе свою принадлежность к различным социальным, политическим, религиозным и культурным группам [Зинченко, Мещеряков, 1999]. Культурно-языковой подход связывает идентичность с традициями, ценностями и языком. По мнению Л.Н. Евсеевой, язык играет ключевую роль в этнической и национальной дифференциации, обеспечивая чувство принадлежности и отличия от других сообществ [Евсеева, 2009].

Идентичность предстает как многомерное явление, объединяющее психологическое самоопределение личности, правовые и культурные основы, символические и коммуникативные конструкции, а также сетевые практики. Для исследования политической идентичности молодежи в условиях цифровизации

важно учитывать синтез этих подходов, поскольку именно в их взаимодействии проявляется динамика между традицией, зафиксированной в институтах, культуре и праве, и инновацией, отражающейся в медиа, сетевых сообществах и гибридных формах участия.

Рассмотрим теоретические подходы к исследованию политической идентичности молодежи, которые можно использовать для ее изучения в условиях цифровизации. Термин «политическая идентичность» относительно новый, используется в академическом дискурсе с 1970-х гг., что определяет множественность его трактовок. «В политической науке», — пишет Т.Б. Легенина, — «до сих пор нет единого мнения в определении понятия идентичности, но ясно одно, что идентичность — это основной и ключевой регулятор сознания и поведения личности, групп, классов и властвующих элит» [Легенина, 2017].

Вместе с тем в научной литературе выделяется несколько ключевых подходов к исследованию политической идентичности молодежи, которые позволяют раскрыть специфику ее формирования применительно к цифровой эпохе. Разработанный П. Бергером и Т. Лукманом социально-конструктивистский подход трактует идентичность как продукт социального взаимодействия, формируемый в процессе коммуникации и усвоения символических систем [Бергер, Лукман, 1995]. В условиях цифровизации социальные сети, мессенджеры и видеохостинги становятся «агентами конструирования реальности», транслируя молодежи политические смыслы через визуальные форматы (мемы, клипы, короткие видео). Это приводит к возможности сосуществования у молодых людей противоречивых ценностных ориентаций и создает ситуацию множественных идентичностей.

Психологический подход, опирающийся на теорию социальной идентичности Г. Тэджфела, выделяет три компонента [Тэджфэл, 1984]:

- когнитивный (осознание принадлежности к политической группе);
- эмоциональный (гордость или стыд за политическую позицию, реакция на политический контент);
- ценностный (идеологическая основа идентичности).

Важным на сегодняшний день остается положение Э. Эриксона о кризисе идентичности юношеского возраста, проявляющемся в политическом экспериментировании, быстрой смене предпочтений и зависимости от лидеров мнений в цифровой среде [Эриксон, 1996]. В цифровую эпоху идентификация ускоряется за счет алгоритмического подбора контента, что усиливает эмоциональность и поверхностность политической самоидентификации.

Коммуникативный подход, связанный с теориями Ю. Хабермаса и М. Кастельса, рассматривает трансформацию публичной сферы в условиях цифровизации [Хабермас, 2001; Кастельс, 2020]. Вместо единого

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.10.2025).

пространства дискуссии формируются фрагментированные «микросферы» (паблики, чаты), где коммуникация строится на эмоционально-насыщенных визуальных форматах. Вирусный контент распространяется быстрее рациональных аргументов, что усиливает роль эмоций и снижает потенциал для системного политического диалога.

Дж. Марч и Й. Олсен в рамках институционального подхода акцентируют внимание на взаимодействии индивидов с политическими институтами [March, Olsen, 1984]. Применительно к современным реалиям это важная составляющая адаптации цифровых платформ для социализации молодежи. Использование государственными структурами социальных сетей для трансляции официальных ценностей, создание партиями и общественными движениями цифровых пространств в Telegram, VK, МАХ демонстрируют, как традиционные механизмы политической социализации переформируются под новые цифровые реалии.

Выявить особенности политической идентичности поколения Z позволяет поколенческий подход, представленный в работах К. Маннгейма, Н. Хоува, У. Штрауса [Маннгейм, 2020; Хоув, Штраус, 2005]. Для него характерны цифровая социализация с раннего возраста, клиповое мышление, низкий уровень доверия к традиционным институтам и высокая роль инфлюенсеров как источников политических смыслов. Политическая идентичность этой демографической группы формируется через визуальные и игровые форматы коммуникации, в том числе через механизмы «мягкой силы 2.0», когда политические меседжи маскируются под развлекательный контент [Смирнов, Кохтюлина, 2012]. Несмотря на разнообразие подходов, «основными признаками, которыми исследователи наделяют политическую идентичность, являются наличие комплекса идейных ориентаций и ценностных предпочтений индивидов, которые вступают в коммуникативное взаимодействие, а также сознательное соотнесение носителя данного типа идентичности с конкретным политическим сообществом» [Легенина, 2017]. Что касается политических институтов, то они в данной контексте транслируют способы формирования идентичности [Семененко, 2012].

Советский опыт формирования политической идентичности молодежи / The Soviet experience of shaping the political identity of youth

Обращение к советскому опыту формирования политической идентичности молодежи продиктовано не идеализацией советского периода, а попыткой проанализировать эффективные механизмы государственной молодежной политики. При этом, несмотря на внешние различия современной российской и советской государственности, сохраняется

преемственность культурного поля и политических практик.

Формирование политической идентичности молодежи в советский период происходило в условиях тотальной мобилизации и жесткой институционализации послереволюционного периода. Молодежь рассматривалась большевиками как главная социальная база новой власти и носитель «революционного будущего» уже в 1920-е гг.: «Молодые люди рассматривались в качестве основной опоры новой власти, ее союзниками в формировании и реализации новых политических и культурных принципов» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024].

Ключевым институтом политической социализации стал созданный в первый год после революции комсомол. Его структура копировала партийную, а система воспитания выстраивалась по линии «октября — пионеры — комсомольцы», обеспечивая преемственность и постепенную интеграцию молодежи во «взрослую» политику: «Комсомол стал одновременно последней ступенью в этом процессе и важным этапом в воспитании “коммунистического” человека накануне вступления его в партию» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024, с. 27].

Советский опыт формирования политической идентичности неразрывно связан с образованием как грандиозным социальным проектом в рамках культурной революции и важнейшим лифтом социальной мобильности. Рабфаки, кружки, курсы и партийные школы наполняли университеты рабоче-крестьянской молодежью, создавая канал продвижения «снизу-вверх». Не случайно в письмах во власть молодые крестьяне подчеркивали стремление «только учиться и учиться»: так можно было попасть в партийные ряды, что в перспективе обеспечивало административную должность в советской системе.

В постреволюционный период начинается активное сращивание партийного и государственного аппарата. Пребывание в административной среде было одной из альтернатив преодоления тягот сельской жизни в условиях полной противоречий и кризисов неповской действительности. Большевики допустили частичное восстановление рыночных отношений в условиях нелегитимности частной собственности, что делало любое минимальное накопление прибавочного продукта потенциально опасным для крестьянства. Это проявилось с 1927 г., во время спровоцированного кризиса хлебозаготовок. Принятие партийно-государственных ценностей было своего рода «выходом из тупика», то есть политическая идентичность молодежи не только означала принятие этих ценностей, но и, по сути, осмыслялась как жизненная стратегия выхода из традиционной социальной среды.

Молодежь стала ключевым проводником культурной революции, направленной на разрушение традиционных символических систем и формирование

новых ценностных ориентиров. В источниках фиксируются многочисленные примеры замещения обрядов («октябрины», «красные Рождества») и антирелигиозных кампаний: «Наступление на “старую” в моральном плане деревню легче было проводить через молодых людей» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024, с. 28].

Особая роль отводилась молодежи в масштабных государственных кампаниях конца 1920-х — начала 1930-х гг.: в хлебозаготовках, коллективизации, борьбе с религиозными пережитками. Партийные лидеры сознательно апеллировали к эмоциональности и радикализму юношества, формируя идентичность через участие в насильственных преобразованиях деревни. Таким образом, советская молодежная политика демонстрирует, как через институционализацию, политическое образование и массовую мобилизацию создавалась новая политическая идентичность, обеспечивавшая преемственность режима: «Партийные кампании обеспечивали политическую социализацию будущих управленцев. Для многих молодых людей они формировали сценарии их собственной жизни» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024, с. 30].

В предвоенные десятилетия в Советском Союзе складывалась целостная система формирования политической идентичности молодежи, основанная на жесткой институционализации и культурно-идеологическом контроле. Государство стремилось не только к социализации нового поколения, но и к его мобилизации на защиту социалистического строя, что предопределило особый характер работы с молодежью.

Центральным элементом выступала культурная революция с ее стержневой основой — социалистическим реализмом, в рамках которой литература, кино и искусство подчинялись задачам идеологического воздействия. Основой патриотического воспитания стал культ героизма: образы Чапаева, Щорса, Котовского и других «героев новой жизни» романтизировались и идеализировались, превращаясь в символы мужества и самопожертвования. Кинематограф, в частности фильм «Чапаев» (1934), выполнял функцию своеобразной «школы патриотизма», транслируя обществу модели поведения, основанные на преданности Родине и оптимизме даже в трагических обстоятельствах.

Особое внимание уделялось созданию образа внешнего врага. Пропагандистские фильмы («Родина зовет» (1936, режиссер А. Мачерет), «Танкисты» (1939, режиссеры З. Драккин, Р. Майман), плакаты («Будь героем!», 1941), песни («Марш советских танкистов», 1938) формировали представление о неизбежности конфликта с капиталистическим окружением и необходимости готовности к защите социалистического Отечества. Идентичность молодежи, таким образом, конструировалась в логике противопоставления: «мы» — защитники Родины против «них» — врагов социализма.

Значительную роль в формировании идентичности играла система образования. В школьных программах вводилась обязательная начальная военная подготовка: строевая подготовка, стрелковая практика, противогазовые учения. Важное место занимала программа ГТО («Готов к труду и обороне»), ставшая массовым инструментом вовлечения молодежи в военную и спортивную подготовку (к 1941 г. более 6 млн награжденных значками) [Истягина-Елисеева, 2015]. Закрепляли героизированные образы прошлого и подчеркивали историческую миссию России учебники, в первую очередь идеологический флагман «Краткий курс истории ВКП(б)» 1938 г. [Ярославский, Поспелов, 1938].

При этом комсомол играл ключевую роль в организации молодежных практик: военизированные игры, походы по местам боевой славы, кружки, а также массовая шефская работа с армией. Так, в 1939–1941 гг. было отправлено 2 млн посылок для бойцов, в 1940 г. только пограничникам было написано 400 тыс. писем [Цыбульский и др., 1970]. Эти формы работы приобщали молодежь к патриотическим практикам, формировали у нее ощущение сопричастности к делу государства. С.Г. Кара-Мурза считает, что «сталинская пропаганда соединила советский проект с имперским наследием. Это дало мощный мобилизационный эффект» [Кара-Мурза, 2007].

В 1930-е гг. в стране была создана уникальная система «предмобилизации», которая объединила культурные, образовательные и военные практики в единый комплекс воспитания молодежи. Она обеспечивала массовую мобилизационную готовность и стала одним из ключевых факторов героизма первых месяцев Великой Отечественной войны.

Важной особенностью советской традиции являлся патернализм: молодежь рассматривалась как объект воздействия со стороны старших поколений, которые стремились воспроизвести собственный социальный и культурный образ. По словам видного исследователя государственного-молодежной политики И.М. Ильинского, «молодежь была в полной власти у старших поколений, которые формировали из нее подобие своего образа» [Ильинский, 2017, с. 24]. Это обеспечивало преемственность, но ограничивало возможность для инновационного и критического осмысления ценностей. Советский опыт государственной молодежной политики демонстрирует специфику формирования идентичности в условиях жесткой институционализации и идеологизации. В центре находилась задача воспитания «нового человека», преданного идеалам партии и государства. Идеологический фундамент этой политики основывался на тезисе о том, что «главное в работе с молодежью — усилить коммунистическое воспитание» [Ильинский, 2017, с. 21]. Идентичность конструировалась как коллективная и нормативно заданная в отличие от современной модели, где она носит многослойный и конкурентный характер.

И.М. Ильинский считает ключевым институтом социализации Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи на протяжении всего советского периода. Он был не только массовой молодежной организацией, но и инструментом трансляции ценностей и кадровой подготовки для партийно-государственной системы. Комсомол участвовал в разработке и продвижении первых нормативных актов в сфере молодежной политики, включая Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об общих началах государственной молодежной политики» 1991 г.⁵. Данный факт свидетельствует о том, что молодежные объединения в советский период являлись частью государственной системы, а не автономными акторами.

Важную роль в конструировании идентичности играла мифологизация. В официальном дискурсе закреплялись устойчивые образы «все пути открыты молодым», «молодежь согрета вниманием и заботой партии и государства», «молодежь беззаветно предана идеалам партии» [Ильинский, 2017]. Эти мифы выполняли функцию мобилизационного ресурса, укрепляя чувство принадлежности и единства, но при этом скрывали реальные противоречия и ограниченность социального участия молодежи.

Традиционная модель имела серьезные ограничения: идеологизация и патернализм «вытесняли молодежь на задворки политической власти» и «подавляли культурно-творческую функцию» [Ильинский, 2017, с. 25]. Несмотря на декларации о ведущей роли молодежи, на практике она была объектом управления, а не субъектом политики. Советский опыт показывает, что традиция жесткой институционализации идентичности обеспечивала стабильность и преемственность, но одновременно блокировала возможности для самореализации и самостоятельного участия молодежи в политике.

Инновации в формировании политической идентичности молодежи в цифровой среде / Innovations in shaping the political identity of youth in the digital environment

В условиях цифровизации политическая идентичность молодежи представляет собой динамичное и изменчивое явление, формирующееся под воздействием цифровых медиа и алгоритмически отбираемого контента. В отличие от традиционных форм социализации цифровая среда усиливает фрагментарность, ситуативность и гибридность идентичности, создавая новые механизмы ее формирования, от официальных государственных каналов до альтернативных нарративов блогеров и инфлюенсеров.

⁵ Закон Союза Советских Социалистических Республик от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Режим доступа: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/268> (дата обращения: 03.10.2025).

Политическая идентичность современной молодежи формируется на пересечении цифровых коммуникативных практик, психологических особенностей юношеского возраста и институциональных стратегий государства. Современный этап молодежной политики принципиально отличается от советской модели. Если ранее идентичность задавалась через жесткую институционализацию и патернализм, то сегодня она формируется в условиях цифровой среды, где молодежь обладает множеством каналов для самовыражения и выбора. К традиционным акторам социализации (семья и образовательные институты) добавляются цифровые масс-медиа [Дунас, 2022].

Цифровая трансформация приводит к радикальным изменениям в структуре идентичности. Как отмечает Е.А. Пеннер, в цифровых условиях «социальная идентичность человека значительно корректируется. Субъект уступил место агенту, актору, актанту социальных практик, идентичность которых, как правило, подвижная и текучая» [Пеннер, 2023, с. 11]. Для молодежи это означает, что традиционные устойчивые формы идентификации заменяются гибридными и множественными идентичностями, существующими одновременно в офлайн- и онлайн-пространствах. Медiateхнологии в этих условиях формируют новые механизмы социализации, «оказывают комплексное влияние на человека как субъекта социальных практик; через человека медiateхнологии перекраивают социальную ткань, внося изменения в темпоральные практики, практики коммуникации, памяти и власти» [Пеннер, 2023, с. 12]. Для молодежи это выражается в ускорении ритма жизни, клиповом восприятии информации, а также в трансформации механизмов памяти и доверия к источникам.

Рассмотрим ключевые особенности цифровой среды как актора политической социализации молодежи, влияние которой проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах.

1. Мультимедийность и клиповое восприятие контента. Цифровой контент отличается высокой привлекательностью для молодежи за счет мультимедийных форматов, соответствующих особенностям «клипового мышления» [Фрумкин, 2010]. Увеличение объема информационного потока вкупе с возросшими требованиями к скорости его потребления ускоряют темп жизни, формируют многозадачность и способствуют доминированию визуально-динамичных форматов.

2. Интерактивность и гиперреальность. Цифровая среда предполагает высокую вовлеченность пользователей: они не только потребляют, но и активно создают контент, медиапотребление становится «социальным индикатором медиасреды» [Никитина, Никитин, 2023, с. 38]. Однако, как считает Ж. Бодрийяр, вместе с этим возрастает риск утраты подлинной реальности [Бодрийяр, 2015]. Поток обрабатываемых алгоритмами

новостей создает упрощенные нарративы, которые подменяют сложность реальных событий, формируя пространство симулякров и гиперреальности.

3. Трансформация производства контента. В цифровую эпоху изменился процесс производства информации. Конкуренция профессиональных средств массовой информации (далее — СМИ) и любительских площадок приводит к тому, что политические обзоры и комментарии массово создаются непрофессиональными авторами. По меткому выражению А. Дугина, каждый становится «сам себе СМИ» [Дугин, 2015, с. 233]. Это повышает демократичность коммуникации, но одновременно снижает качество экспертного анализа и увеличивает риск распространения искаженной информации.

4. Утрата экспертной позиции и роль алгоритмов. Алгоритмы управления контентом ориентируются прежде всего на эмоциональную реакцию аудитории. В результате эмоционально окрашенное мнение рядового пользователя может восприниматься как более значимое, чем профессиональная экспертиза. Это усиливает феномены «пузырей фильтров» и «эхо-камер», когда молодежь оказывается замкнутой в информационных сообществах, подтверждающих уже имеющиеся взгляды.

5. Префигуративная культура и межпоколенческий разрыв. Цифровизация способствует формированию у молодежи новой культурной установки, которую М. Мид определила как «префигуративную» [Мид, 1988]. В рамках этой культуры молодежь не только перенимает опыт старших, но и сама создает тренды, обучая старшие поколения. Такая инверсия межпоколенческого обмена приводит к коммуникативному разрыву. В итоге цифровое пространство становится сферой преимущественно молодежных практик, осложняя диалог между поколениями и укрепляя новые модели идентичности.

6. Информационная перегруженность и политическая социализация. По данным анализа медиапотребления, увеличивается рост времени, проводимого в сети: с 4,09 ч в 2023 г. до 4,57 ч в 2024 г.⁶ Согласно отчету DataReportal, в 2025 г. россияне проводят в сети «Интернет» в среднем 8,38 ч⁷. Молодежь оказывается под постоянным воздействием информационного фона, часто переходящего в «информационный шум». При этом на мировоззрение сильнее влияет негативный контент, он вызывает больший интерес, чем позитивные сообщения. Отсюда вытекает риск манипуляции: «политические баллы» легче набирать на негативных нарративах.

⁶ Медиапотребление 2024. Режим доступа: <https://mediascope.net/upload/iblock/f33/> (дата обращения: 03.10.2025).

⁷ Digital 2025: Key Data. Режим доступа: <https://www.byid.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal> (дата обращения: 03.10.2025).

Цифровая среда предоставляет молодежи новые возможности для участия в политике, однако одновременно делает ее уязвимой перед манипуляцией со стороны оппозиции и деструктивных политических сил, использующих молодежь как «вторичный» и малозатратный ресурс [Судоргин, Агафонов, 2024]. В этой ситуации ключевая роль в формировании ценностей и идеалов принадлежит государству. Оно должно не ограничиваться традиционной трансляцией официальной информации, а активно структурировать информационные потоки, формируя условия для критического восприятия и осознанного участия молодежи в политической жизни.

Цифровизация не только изменила механизмы коммуникации, но и трансформировала саму структуру политической идентичности, сделав ее динамичной, фрагментарной и многослойной. В отличие от советского опыта, где комсомол и партийные структуры контролировали политическую социализацию, сегодня государственные институты конкурируют с множеством альтернативных нарративов. Платформы Telegram, VK, TikTok становятся пространствами для распространения не только официальной информации, но и оппозиционных или протестных интерпретаций. Это делает идентичность молодежи предметом постоянной борьбы за внимание и лояльность.

Особое значение в данной ситуации приобретают формы «мягкой силы 2.0», когда политические послания маскируются под развлекательный контент: блогеры интегрируют социальные и политические меседжи в челленджи, подкасты и игровые стримы. Идентичность формируется через гибридные форматы, соединяющие информационное и развлекательное измерение.

Наконец, цифровая среда способствует росту субъектности молодежи. В условиях фрагментированных публичных сфер, о которых писали Ю. Харбермас и М. Кастельс, молодежные сообщества могут самостоятельно конструировать смыслы, создавать, согласно терминологии Б. Андерсона, «воображаемые сообщества» и вырабатывать новые формы гражданской идентичности. Этот процесс сопровождается рисками поверхностности и символической фрагментации, но одновременно открывает возможности для более гибкой модели идентичности.

Инновации в формировании политической идентичности заключаются в переходе от институционального патернализма к цифровой полицентричности, от жестких нормативных рамок к множественным и конкурентным нарративам, от идеологического внушения к эмоционально насыщенной визуальной коммуникации.

В системе государственного управления для обеспечения устойчивого формирования политической идентичности молодежи в условиях цифровой трансформации целесообразно:

- систематизировать цифровые формы вовлечения — создать системы мониторинга ценностей и политических установок молодежи на базе форумных

кампаний, проектных сессий, а также цифровых платформ, способных фиксировать изменения в молодежной среде в режиме реального времени;

- развивать партисипативные форматы — поддерживать молодежные инициативы, краудсорсинговые проекты и онлайн-платформы, где ценности и смыслы конструируются в диалоге государства и молодежных сообществ;

- создать «банк трактовок ценностей» — аккумулировать цифровые нарративы, вырабатываемые молодежью, фиксировать их в доступных формах (цифровые архивы, платформы «цифровой памяти»), чтобы использовать как ресурс культурной и политической политики (в качестве примера можно привести канал Центра социологических исследований «14-35» Государственного университета управления)⁸;

- использовать логику «мягкой силы 2.0» — интегрировать традиционные ценности в цифровую культуру молодежных сообществ через визуальные форматы, избегая прямолинейной идеологизации;

- укреплять компетенции критического мышления и медиаграмотности — включать эти направления в образовательные программы, поскольку именно они позволяют молодежи противостоять манипулятивным алгоритмам и информационным искажениям.

Заключение / Conclusion

В советский период политическая идентичность молодежи формировалась через жестко институционализированные механизмы социализации. Ключевыми акторами выступали школа, комсомол, система пионерских организаций и молодежные лагеря. Они задавали единый идеологический дискурс, обеспечивая интеграцию молодого поколения в политическую систему. Основной задачей было формирование «нового человека», соединяющего индивидуальные стремления с коллективными целями общества и государства. Идентичность строилась на патерналистской основе: государство выступало главным и практически единственным агентом социализации. Воспитание проходило в формах массовых мероприятий, коллективных ритуалов, идеологических кампаний, где индивидуальные особенности нивелировались в пользу общей цел. В результате создавалась устойчивая модель

идентичности, основанная на принципах коллективизма, служения Родине и политической лояльности.

Современный этап отличается принципиально иными условиями. Цифровизация радикально изменила механизмы формирования идентичности, сделав ее динамичной, фрагментарной и многослойной. Сегодня молодежь получает политические смыслы не только из государственных источников, но и через социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, где доминируют блогеры и инфлюенсеры. Политическая социализация осуществляется через визуальные форматы — мемы, клипы, стримы, челленджи. Алгоритмический отбор контента усиливает эмоциональность и ситуативность идентичности, формируя «мозаичное сознание», в котором легко сосуществуют противоречивые ценности.

В отличие от советского опыта, где государство монополизировало процесс воспитания, современные институты конкурируют с множеством альтернативных нарративов. Telegram, VK и TikTok становятся аренами соперничества за внимание молодежи. Особое значение приобретают формы «мягкой силы 2.0», когда политические послания подаются через развлекательный контент, интегрируясь в цифровую культуру молодежных сообществ.

Цифровая среда способствует и росту субъектности молодежи. В условиях фрагментированных публичных сфер молодежные сообщества сами создают «воображаемые сообщества», вырабатывая новые формы гражданской и политической идентичности. Это порождает риски поверхностности и символической фрагментации, но одновременно открывает возможности для гибкой идентичности.

Современная государственная молодежная политика развивается «между традицией и инновацией». Советский опыт демонстрирует потенциал институционализированной модели, цифровая эпоха — динамику сетевых и партисипативных практик. Их сопоставление позволяет сделать вывод: ключевой задачей государства является поиск «гибридной модели», соединяющей ценностные основания и традиции с инновационными цифровыми форматами, что отвечает запросу на формирование консолидирующей общество идеологии и укрепление политической идентичности молодежи.

⁸ Центр социологических исследований «14-35». Режим доступа: <https://t.me/soc1435> (дата обращения: 03.10.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; 2001. 286 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995. 323 с.

REFERENCES

Anderson B. Imaginary communities: reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: Canon-Press-C; 2001. 286 p. (In Russian).

Baudrillard J. Simulacra and simulations. Moscow: Postum; 2015. 238 p. (In Russian).

- Бердникова Е.В., Куликова С.А.* Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества. Известия Саратовского университета. Экономика. Управление. Право. 2023;4(23):460–470. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Постум; 2015. 238 с.
- Гончарова И.В., Чувардин Г.С., Судоргин О.А.* Молодежь как социальная база аграрной трансформации Советской России в 1920-е — начале 1930-х гг.: постановка проблемы. Ученые записки ОГУ. 2024;2:26–31. <https://10.33979/19982720202410222630>
- Дугин А.Г.* Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. 2е изд. М.: Академический проект; 2015. 359 с.
- Дунас Д.В.* Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022;78:200–224. <https://10.17223/19986645/78/12>
- Евсеева Л.Н.* Роль языка в формировании национальной идентичности. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск; 2009. 21 с.
- Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г.* Психологический словарь. М.: Педагогика-Пресс; 1999. 440 с.
- Ильинский И.М.* Государственная молодежная политика в СССР. М.: Издательство Московского гуманитарного университета; 2017. 432 с.
- Истягина-Елисеева Е.А.* Военно-патриотическое воспитание молодежи средствами спорта и комплекса ГТО в период 1917–1940 гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2015;6(7):49–51.
- Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм; 2007. 544 с.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. 3е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2020. 591 с.
- Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. Социологические исследования. 2011;9:3–18.
- Легенина Т.Б.* Формирование политической идентичности. Современная наука и инновации. 2017;1:235–238.
- Мангейм К.* Проблема поколений. В кн.: Очерки социологии знания: Проблема поколений — состоятельность — экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН; 2000. С. 8–63.
- Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука; 1988. 429 с.
- Никитина Т.И., Никитин А.А.* Основные аспекты влияния трансформации медиасреды на медиапотребление российской молодежи. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023;3(60):38–43.
- Пеннер Р.В.* Цифровая идентичность как новая форма социального признания. Автореф. дис. ... д-р филос. наук. Саратов; 2023. 38 с.
- Семененко И.С. (ред.)* Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН; 2012. 208 с.
- Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н.* Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: ВНИИгеосистем; 2012. 252 с.
- Судоргин О.А., Агафонов А.В.* Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства. Управление. 2024;2(12):99–108.
- Berdnikova E.V., Kulikova S.A.* Political and legal mechanisms of formation of the Russian constitutional identity in the information society. Proceedings of the Saratov University. Economy. Management. Law. 2023;4(23):460–470. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470>
- Berger P., Lukman T.* Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russian).
- Castells M.* The power of communication. 3rd ed. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2020. 591 p. (In Russian).
- Dugin A.G.* The War of the Continents. The modern world in the geopolitical coordinate system. 2nd ed. Moscow: Academic Project; 2015. 359 p. (In Russian).
- Dunas D.V.* Media and socialization: primary, secondary or self-socialization? The experience of studying the media consumption of the digital youth of Russia. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2022;78:200–224. (In Russian). <https://10.17223/19986645/78/12>
- Erickson E.* Identity: youth and crisis. Moscow: Progress; 1996. 344 p. (In Russian).
- Evseeva L.N.* The role of language in the formation of national identity. Abstr. Dis. ... Cand. Sci. (Philos.). Arkhangelsk; 2009. 21 p. (In Russian).
- Frumkin K.G.* Global changes in thinking and the fate of textual culture. Ineternum. 2010;1:26–36. (In Russian).
- Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford Univ. Press; 1990. 188 p.
- Goncharova I.V., Chuvardin G.S., Sudorgin O.A.* Youth as the social base of the agrarian transformation of Soviet Russia in the 1920s — early 1930s: problem statement. Scientific notes of OSU. 2024;2:26–31. (In Russian). <https://10.33979/19982720202410222630>
- Habermas Yu.* Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka; 2001. 380 p. (In Russian).
- Howe N., Strauss V.* The fourth transformation: how American generations shape the future of the nation. Moscow: AST; 2005. 445 p. (In Russian).
- Ilyinsky I.M.* State youth policy in the USSR. Moscow: Moscow University for the Humanities Publ. House; 2017. 432 p. (In Russian).
- Istyagina-Eliseeva E.A.* Military-patriotic education of youth by means of sports and the GTO complex in the period 1917–1940. Historical and socio-educational thought. 2015;6(7):49–51. (In Russian).
- Kara-Murza S.G.* Soviet civilization. Vol. 1. Moscow: Algorithm; 2007. 544 p. (In Russian).
- Lapin N.I.* Socio-cultural factors of Russian stagnation and modernization. Sociological research. 2011;9:3–18. (In Russian).
- Legenina T.B.* Formation of political identity. Modern science and innovation. 2017;1:235–238. (In Russian).
- Mannheim K.* The problem of generations. In: Essays on the Sociology of Knowledge: The problem of generations — competitiveness — economic ambitions. Moscow: INION RAS; 2000. Pp. 8–63. (In Russian).
- March J.G., Olsen J.P.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. American Political Science Review. 1984;3(78):734–749.
- Mead M.* Culture and the world of childhood. Moscow: Nauka; 1988. 429 p. (In Russian).
- Nikitina T.I., Nikitin A.A.* The main aspects of the impact of media environment transformation on media consumption

- Тишков В.А.* Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. Вестник Российской академии наук. 2019;4(89):408–412.
- Тэддсфэл Г.* Социальная идентичность и межгрупповые отношения. В кн.: Современная зарубежная социальная психология. М.: МГУ; 1984. С. 227–231.
- Фрумкин К.Г.* Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры. Ineternum. 2010;1:26–36.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука; 2001. 380 с.
- Хоув Н., Штраус В.* Четвертое превращение: как американские поколения формируют будущее нации. М.: АСТ; 2005. 445 с.
- Цыбульский Е.В., Чугунов А.И., Юхт А.И.* Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. М.: Наука; 1970. 822 с.
- Эрикссон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс; 1996. 344 с.
- Ярославский Е.М., Поспелов П.Н.* Краткий курс истории ВКП(б). М.: Госполитиздат; 1938. 352 с.
- Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford Univ. Press; 1990. 188 p.
- March J.G., Olsen J.P.* The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. American Political Science Review. 1984;3(78):734–749.
- of Russian youth. Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2023;3(60):38–43. (In Russian).
- Penner R.V.* Digital identity as a new form of social recognition. Abstr. Dis. ... Dr. Sci. (Philos.). Saratov; 2023. 38 p. (In Russian).
- Semenenko I.S. (ed.)* Political identity and identity politics. Vol. 1. Identity as a category of political science: dictionary of terms and concepts. Moscow: ROSSPEN; 2012. 208 p. (In Russian).
- Smirnov A.I., Kokhtyulina I.N.* Global security and Soft Power 2.0: challenges and opportunities for Russia. Moscow: VNIIGe-osystem; 2012. 252 p. (In Russian).
- Sudorgin O.A., Agafonov A.V.* The impact of digitalization on the formation of modern youth political leadership. Upravlenie / Management (Russia). 2024;2(12):99–108. (In Russian).
- Tajfal G.* Social identity and intergroup relations. In: Modern foreign Social Psychology. Moscow: MSU Publ. House; 1984. Pp. 227–231. (In Russian).
- Tishkov V.A.* Russian identity: internal and external challenges. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019;4(89):408–412. (In Russian).
- Tsybulsky E.V., Chugunov A.I., Yukht A.I.* Border troops of the USSR. 1939 – June 1941. Moscow: Nauka; 1970. 822 p. (In Russian).
- Yaroslavsky E.M., Pospelov P.N.* A short course in the history of the CPSU(b). Moscow: Gospolitizdat; 1938. 352 p. (In Russian).
- Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G.* Psychological dictionary. Moscow: Pedagogika-Press; 1999. 440 p. (In Russian).